

Дружинина Е.С.

УДК 008(091):17.2-46

АРХЕТИП ДОН КИХОТА КАК МАРКЕР СОЦИАЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ**Архетип Дон Кихота как маркер социальных обострений.**

Роман «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» появился на закате эпохи Ренессанса и стал её своеобразным итогом. Известно, что замысел писателя предполагал создание развлекательного произведения, пародии на рыцарские и куртуазные романы. Однако появление Рыцаря Печального Образа в мировой культуре было обусловлено целым комплексом культурных противоречий и назревавшим кризисом в сознании общества. Этот персонаж с момента своего появления вызывал неоднозначную реакцию. Образ Дон Кихота становится предметом обсуждений и споров, какие обычно возникают вокруг реальных исторических личностей. Однако довольно рано он перестаёт восприниматься как нечто единичное и начинает обозначать определённый тип личности. Присущие ему черты героического, комического и трагического в разных условиях трактуются по-разному.

В России о романе Сервантеса начали говорить в кругу образованных людей ещё до того, как он был переведён на русский язык. В свете идеалов эпохи Просвещения с присущим ей культом разума роман был воспринят как пародия и сатира (А. П. Сумароков), а Дон Кихот – как глупый (И. А. Крылов), смешной и нелепый чудаки (Г. Р. Державин). Сама императрица Екатерина II, читая роман Сервантеса, выписывала из него пословицы Санчо Пансы, а Дон Кихотом презрительно называла шведского короля Густава III, своего врага, начавшего войну с Россией. Г. Р. Державин, поэт-классицист, в оде «Фелица» (1782), посвященной Екатерине II, употребил слово «донкишотствовать» в смысле заниматься делами пустыми, обречёнными на неудачу.

В России при отсутствии политических свобод искусство было единственным рупором для выражения общественной мысли. Поэтому оценка образа Дон Кихота там выразила гораздо более сложные переплетения культурно-исторических и политических критериев.

XIX век ставит знак равенства между фигурой Дон Кихота и олицетворяемой ею жертвенностью. Н. М. Карамзин даже сравнивал себя со «славным рыцарем», чем положил начало традиции говорить о кихотизме как способе жизни. Однако в Российской империи сложились две тенденции восприятия Рыцаря Печального Образа: как нелепого, всегда беспомощного фантазёра, неспособного увидеть и распознать окружающую его реальность и сражающегося с мифическим врагом и как человека деятельного добра, создающего себе действительность вне действительности.

В. Г. Белинский воспринял роман Сервантеса и его героя с энтузиазмом. В Дон Кихоте он увидел человека «прекраснейшего» и «благороднейшего», рыцаря «без страха и упрёка», истинного мудреца. Однако борьба с романтизмом привела к переоценке Дон Кихота, поскольку его мир слишком оторван от реальности. Белинский стал первым, кто разглядел в этом герое определённый тип человека: умного, деятельного, даровитого, готового к самоотречению и самопожертвованию, но за призраком. Для Белинского Дон Кихот обречён, потому что оторван от реальности. Такими Дон Кихотами он называет изуверов, «безумных» бонапартистов, мечтающих о восстановлении империи во Франции, легитимистов, ультрамонтанистов, тори в Англии и в один ряд с ними ставит немецкого философа Шеллинга. Будучи горячим сторонником прогрессивного развития человечества, Белинский осмеивал прежде всего реакционный романтизм и политическое староверие, отчего Рыцарь Печального Образа иногда принимал у него карикатурный характер. Здесь было не только отталкивание критика от романтического мировидения, особенно в его реакционном выражении, но и революционное стремление к быстрейшему преобразованию мира. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов так же, как и Белинский, считали непонимание Дон Кихотом того, за что он борется, и результата, который влечёт за собой его борьба, недопустимым для человека революционных взглядов.

Но была и другая сторона понимания этого образа. Дон Кихот заведомо обречён на поражение. Для русской интеллигенции XIX века эта ситуация проецировалась на конфликт носителей передовых идеалов с российским самодержавием при заведомом неравенстве сил. Понимание реальных проблем включало и понимание важности личного отношения к ним.

В 1860 году И. С. Тургенев произнёс речь «Гамлет и Дон-Кихот», определив их как две стороны одной медали. Он отметил, что в России сложилась определённая традиция видеть в Дон Кихоте просто шута, а «донкишотство» отождествлять с нелепостью. Но писатель реабилитировал этот образ для культуры, акцентировав в нём «высокое начало самопожертвования, только схваченное с комической стороны» [7, тт. 10, с. 250–251]. Он подчеркнул, что в самом смехе содержится «примиряющая и искупающая сила» [7, тт. 10, с. 253], – в XX веке о жизнеутверждающем значении комизма заговорит М. Бахтин.

Сложная культурно-историческая обстановка, сложившаяся в России в середине XIX века, не терпела безразличия, наоборот, требовала определённого отношения, действия. А. И. Герцен увидел в образе Дон Кихота воплощение утопической мечты о переустройстве общества и связывал его с судьбами подвижников революционного движения. Его Дон Кихот – это рыцарь революции. И сам Герцен ощутил на себе тяжесть социального донкихотского одиночества в ситуации, в которую попал из-за сочувствия к польским повстанцам 1862–1863 гг. Дон Кихот как символ беззаветного служения правому делу – это новый актуальный архетип, который сохраняет верность смысловому ядру, соединяя героическое, трагическое и комическое начала.

Спад радикальных настроений в послереформенное время приводит к снижению оценки Дон Кихота. Д. И. Писарев считал донкихотство со всей искренностью и трогательностью его интенций несостоятельным и видел его проявление в славянофилах. А. А. Григорьев в стихотворных «Монологам Гамлета Щигровского уезда» (вариация тургеневской повести) в образе Дон Кихота рассчитывал осмеять литераторов революционно-демократического лагеря с их широкой программой общественной борьбы.

Отношение к Рыцарю Печального Образа в среде русской интеллигенции разделилось. Высокая оценка этого образа соответствовала не только политическим, но и более глубинным этическим ценностям национальной ментальности. Тургенева поддержал В. Карелин, акцентируя верность Дон Кихота своим идеалам. Ф. М. Достоевский отмечал, что великий смысл заложен именно в комичности Дон Кихота. В 1877 году Достоевский сравнил и саму Россию с Дон Кихотом, только уже с обновлённым, у которого есть свой «гений» и своё «новое слово», который осмыслил своё положение в Европе и не пойдёт уже сражаться с мельницами [2, тт. 28(2)]. Так Рыцарь Бедный стал образом самой России, воплотившим её высокий национальный дух, а задачей этого нового Дон Кихота было восстановление и воскрешение настоящего человека. Вслед за Тургеневым, Дон Кихота начали сравнивать с другими вечными образами. В 1891 году вышла статья М. В. Карнеева, в которой Дон Кихот сопоставлялся с Фаустом и в итоге противопоставлялся ему. Главное превосходство Дон Кихота над Фаустом автор видит в человечности рыцаря независимо от ситуаций, в которые он попадает. Санчо он сравнивает с Мефистофелем, с которым его объединял дух скептицизма. Карнеев на три десятилетия предвосхитил осмысление архетипического образа Фауста для характеристики культурных ценностей Западной Европы, которое в XX веке прозвучало в книге О. Шпенглера «Закат Европы».

Таким образом, Тургенев, рассмотрев образы Дон Кихота и Гамлета как два типа человеческой личности, основал традицию осмысления в культуре двух противоборствующих начал в их образном воплощении. В обоих персонажах были выделены черты, характеризующие наиболее актуальные варианты воплощения архетипа героя. В европейской культуре впоследствии аналогичным путём пошёл Ф. Ницше, заговорив об «аполлоновском» и «дионисийском» началах в работе «Рождение трагедии из духа музыки». При различии материала и проблематики Ницше попытался придать мифическим образам также архетипические свойства.

Но в XIX веке понятие архетипа ещё не было выработано, что приводило иногда к неожиданным его интерпретациям. В 1875 году вышла статья А. М. Скабичевского «Наша современная беззаветность», в которой снова был поставлен вопрос о донкихотстве и гамлетизме. Скабичевский предложил свой вариант тургеневской антитезы Дон Кихота и Гамлета и попытался осмыслить европейскую историю в этих терминах. По его определению, «донкихотские эпохи» – это время полной гармонии с окружающим, веры, что всё стоит на своём месте и что люди занимают надлежащее место в природе и жизни. Но в таких условиях человеком движут его страсти. Из этого получалось, что «бык, бросающийся на красное с полной бычьей непосредственностью, – прообраз Дон Кихота. Для Скабичевского примером «непосредственных Дон Кихотов» оказался «средневековый человек», который пьянствовал, развратничал, творил жестокости – и в то же время умилялся Нагорной Проповеди, не замечая никаких противоречий. 1870-е годы он назвал «донкихотскими»: «человеку не в чем сомневаться, не о чем сокрушаться: всё, что он имеет и может купить, – это им заработано, заслужено, совесть его спокойна, и он может предаваться, как средневековый рыцарь, своим капризным страстям» [1, ч. I, с. 166]. Удушливая атмосфера 1870-х годов, отсутствие высокой объединяющей идеи, как мы видим, проявились в стремлении принизить образ Дон Кихота, но для этого пришлось разрушить ядро его архетипа, удалив героическое и трагическое начала. Скабичевский позже изменил своё отношение к Рыцарю Печального образа, противопоставив «Дон Кихотов-созидателей» «Гамлетам-разрушителям».

В России конца XIX – начала XX века имя Дон Кихота нередко становилось эмблемой патетической уверенности в победе, что привело к искажению архетипа. Возникли «Дон Кихот революции», «Дон Кихот благонамеренности», «Дон Кихот Самодержавия». В. О. Ключевский назвал философа Вл. Соловьёва, который поставил перед собой задачу объединить расколотую христианскую церковь, «Дон Кихотом христианства». В. Розанов назвал К. Леонтьева «Дон Кихотом Эгоистического Я».

Тем не менее речь Тургенева не забылась. Подъём революционных настроений сделал архетип Дон Кихота по-новому актуальным. Идеолог анархизма П. А. Кропоткин в «Записках революционера» (1902) продолжил тургеневскую традицию и разделил людей на два типа: Дон Кихотов, которые ведут за собой массы, «ищут, падают, снова поднимаются и в конце концов достигают» [4, с. 378], и Гамлетов, эгоистов и скептиков, которые ничего не делают. И уже у Кропоткина Дон Кихоты становятся победителями. Вслед за ним В. В. Воровский в 1905 году написал статью «Лишние люди» о революционном движении в России 60–80-х годов XIX века. Публицист называл Дон Кихотами революционеров из народа, разночинцев, которые

становились врагами существовавшего режима по велению сердца, в отличие от Гамлетов, выходцев из образованных и привилегированных слоёв населения, которых Воровский называет «лишними людьми».

«Героем нашего времени» назвал Дон Кихота поэт-символист и философ Вяч. Иванов в статье «Кризис индивидуализма» (1905): «В противоположность Гамлету, Дон-Кихот кажется олицетворением действенного пафоса соборности. <...> По-видимому, не новое действие рождается в нём, а старое воскресает. Но в бессознательной своей глубине и он несёт росток новой души. Ново дерзновение противопоставить действительности истину своего мироутверждения. <...> Он осуждён на рыцарство безнадежных поисков и безысходных странствий; но его рыцарство будет без страха и упрека» [3, с. 20]. Поэтому для Вяч. Иванова Дон Кихот стал «новым Прометеем Печального Образа» [3, с. 20]. Заметно, что обращение одновременно к Дон Кихоту и Гамлету, кружение вокруг этих двух образов – продолжение неясности пути и трудности его выбора.

В 1910 году в журнале «Жизнь для всех» вышла анонимная статья «Дон-Кихот и русская интеллигенция», в которой интеллигенция сравнивалась с Дон Кихотом. (Идея такого сопоставления возникла ещё у Ф. М. Достоевского, считавшего, что идейная ориентация интеллигента любых убеждений – всегда «донкихотская»). Активизация архетипа Дон Кихота в сознании интеллигенции XIX–XX веков свидетельствует, что представители культуры осознают острую нужду в её защите. В статье «Дон-Кихот и русская интеллигенция» об интеллигенции говорилось: «В её душе ярко горел пламень бескорыстного служения угнетённым и обиженным, она была всегда жрицей высокого и чистого идеала и так же, как Дон Кихот, выступала она на борьбу, не считая врагов, и в вооружении, едва ли лучшем. Она не была избалована победами, даже призрачными, но, падая под ударами судьбы, она говорила: «То, чему я служила – это единственно ценное, из-за чего стоит жить, и эта истина не должна пострадать от моего бессилия доказать ее», – и она предпочитала скорее смерть, чем отказ и измену» [6, с. 227–228]. Это не удивительно в условиях реакции, свирепствовавшей между революциями 1905 и 1917 годов, которую К. Чуковский назвал психической чумой, а А. Блок – вселенской тоской поколения. Интересно, что Дон Кихот оказывается национальным символом не только Испании, но и России. Несмотря на упрощение представления о нём вплоть до эмблемы, в целом архетип не теряет своего значения – архетипическое начало в Дон Кихоте сохраняет своё ядро.

В СССР образ Дон Кихота был чётко отрефлексирован. В советской пропаганде использовалось стереотипное представление о Дон Кихоте, которому присущи «исторический консерватизм, возвращение прошлого, война с миражами» [5]. «Дон Кихотом в ржавых доспехах» называли Гитлера, когда он напал на Советский Союз. «Бесноватого фюрера» советская пропаганда изображала в виде рвущегося в битву рыцаря с картонным шлемом. О. Куприн отмечает, что речь шла о «ржавом идеологическом оружии нацистского Дон Кихота – Гитлера, о его революционном консерватизме, стремлении повернуть ход истории вспять» [5]. Для Сталина и советской пропаганды Дон Кихот отождествлялся с наивным и терпящим унижение поражение интервентом с Запада: в 1946 году вождь назвал «замашки» Черчилля, которые привели его к поражению в 1918 году, «донкихотскими». В России Дон Кихота изначально воспринимали как бунтаря, человека вне системы. Но сталинский режим подразумевал полное послушание новой системе, а своеволие искоренялось любыми способами – цензурой, лагерями, расстрелами. Архетип Дон Кихота как отражение глубоких культурных проблем проявил свою полную непригодность для одномерной политической пропаганды.

После окончания Второй мировой войны архетип Дон Кихота как выражение ценностей гуманистической культуры осознаётся в свете возможности победы над злом. В 1951–1952 гг. в Гарвардском университете Вл. Набоковым был прочитан курс лекций о романе Сервантеса. Писатель проанализировал победы и поражения рыцаря. Если советская власть акцентировала внимание на полном поражении Дон Кихота, то Набоков, рассмотрев 40 приключений рыцаря, фиксирует «ничью»: 20 побед и 20 поражений. Тем самым снимается идея обречённости героя.

В Советском Союзе после смерти Сталина прекращается борьба с «космополитами» и активизируется внимание к прогрессивной западной культуре. При этом поднимается и новая волна интереса к Дон Кихоту (в 1954 году выходит новый перевод романа Н. Любимовым, в 1957 – фильм Г. Козинцева «Дон Кихот»). В отечественной науке появляется целый ряд работ, посвящённых роману Сервантеса и реабилитирующих героическую фигуру Дон Кихота. Общей тенденцией становится рассмотрение истории отечественной культуры в свете феномена кихотизма. В работах В. Е. Багно поведенческая культура интеллигенции отождествляется с донкихотством. Он отметил, что в основе образа Дон Кихота лежат архетипические образы русского национального характера, формирующие судьбу и историю страны. Это фигуры бунтаря, самозванца, странника и лишнего человека. Непосредственную связь Дон Кихота с отечественной интеллигенцией проследил Ю. А. Айхенвальд. Он отмечал, что в допетровский и петровский период истории России Дон Кихот не мог актуализироваться, поскольку для этого нужна «некоторая рыцарская обстановка» [1, ч. 1, с. 21]. Если в Испании Дон Кихота сакрализировал М. де Унамуно, то в отечественной традиции это сделал Айхенвальд, назвав Дон Кихота «Рыцарем Чистой совести». Он писал: «Дон Кихот сражался со злом только на собственный страх и риск и видел действительность только в искажённой форме своих идеальных представлений о ней. При этом он был потрясюще проникновенен: он всегда отличал добро от зла. Он гнался за Абсолютом с копьем наперевес, но никого не топтал по дороге» [1, ч. I, с. 16]. Мир Рыцаря Печального Образа, который многие рассматривают как смешной и нелепый, на самом деле предупреждает людей о неизбежности ошибок. Мир Дон Кихота уникален – «не уникально придуман, но уникально прожит» [1, ч. I, с. 93], и «его безумие священно. И все это знают» [1, ч. I, с. 16].

Ядро архетипа героя содержит ряд свойств, которые позволяют варьировать актуальный архетип Дон Кихота. Однако в истории развития гуманистической мысли его ценностные акценты всё более уточняются, и поэтому трактовка образа Дон Кихота становится маркером социальных позиций, нередко противоположных, и признаком общественного осознания противоречия идеала и действительности.

Источники и литература:

1. Айхенвальд Ю. А. Дон Кихот на русской почве / Ю. А. Айхенвальд. – М., Мн. : Гендальф; ООО «МЕТ», 1996.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский; редкол.: В. Г. Базанов, Ф. Я. Прийма, Г. М. Фридендер и др. – Л. : Наука (Ленингр. отделение), 1985.
3. Иванов В. И. Родное и вселенское / В. И. Иванов; сост., вступ. ст., прим. В. М. Толмачева. – М. : Республика, 1994. – 428 с. – (Мыслители XX века).
4. Кропоткин П. А. Записки революционера / П. А. Кропоткин. – М. : Московский рабочий, 1988. – 554 с.
5. Кудрин О. Фон Кихот готический : [Электронный ресурс] / О. Кудрин // Октябрь. – 2011. – № 1. – С. 101-133. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/october/2011/1/ku10.html>.
6. М. А. Дон-Кихот и русская интеллигенция / М. А. // Жизнь для всех. – 1910. – № 8-9.
7. Тургенев И. С. Собрание сочинений : в 10 т. / И. С. Тургенев; ред. В. Фридлянд. – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1962. – (Б-ка классиков русской литературы).